

Леонид Андреев. Политические очерки

Составитель: В. Г. Есаулов, декабрь 2005 г.

Источники электронных версий приводятся в конце каждого очерка.

Памяти Владимира Мазурина

Впервые узнал я Владимира Мазурина в той же Таганской тюрьме, в какой его повесили. Среди других политических – большей частью молодых рабочих и студентов – он сразу выделялся энергичным лицом своим, смелой простотой и какой-то особенной внушительностью. Заметно было, что не только на товарищей своих, но и на тюремную низшую администрацию он действовал покоряюще: все его знали, все внимательно прислушивались, когда он говорил, и советовались с ним. Тюремные сторожа, те самые, вероятно, что впоследствии строили для него эшафот, ласково называли его Володей, говорили о нем с улыбкой, ибо был он весел и любил шутить, – но и с некоторым опасением в то же время. Спокойно и уверенно отводя других заключенных в их камеры после прогулки, Володю они мягко упрасивали, и случалось, что все уже заперты, а он один ходит по коридору и заглядывает к товарищам в окошечки: подморгнет, весело покажет белые зубы и крикнет что-нибудь такое простое, дружеское, иногда смешное даже, от чего легче станет на сердце. И чаще всего он забегал к новичкам. И в других отношениях он заботился о товарищах: доставал им бумагу, устраивал переписку с родными, снабжал "телефоном".

По виду Владимир Мазурин был скорее похож на рабочего, чем на студента, носил пиджак поверх синей рубахи и небольшой серый картузик. Росту был он среднего, но широкоплеч, коренаст и, видимо, очень крепок; и голос имел звучный и сильный. И еще только пробивались борода и усы. В Таганку он был переведен из Бутырской тюрьмы, где его с некоторыми товарищами подвергли зверскому избиению; у одного из избитых началась чахотка, а Мазурин вообще стал слабее здоровьем и уже не мог петь. А раньше пел.

По утрам, когда тюрьма просыпалась, первым товарищи начинали выкликать Мазурина, просто, должно быть, хотелось услышать его всегда добрый и как-то звуком своим обнадеживающий голос. И когда на прогулку он выходил, то об этом можно было догадаться по крикам, которые, сквозь решетки окон, падали к нему во двор и возвращались назад веселым эхом.

После вечерней поверки, когда тюрьма затихала, Мазурин читал газету. Начиналось это с того, что одно за другим хлопали окна и чей-нибудь голос протяжно и певуче выкликал:

– Товарищи, собирайтесь!

К нему присоединялся другой голос, такой же протяжный и певучий. И десятки голосов, переливаясь, многократно повторяясь эхом, таким сильным среди гладких тюремных стен, сливались в неясный музыкальный клик.

– Товарищи, собирайтесь!

Было это зимою, и на подоконники все вылезали тепло одетые. Один только Мазурин оставался в своем неизменном пиджаке и рубахе. Возле себя он ставил лампочку и начинал читать заранее отмеченные им места, – по условиям места каждое слово нужно было выкрикивать отдельно, большою паузой ограничивая его от следующего слова, и прочесть все было невозможно. Я никогда раньше не думал, что газету можно читать так интересно, как читал ее Владимир Мазурин. Каждое слово он произносил своеобразно, резко подчеркивая и смешное, и нелепое, и трагическое: в тишине ночи, когда внизу только скрипел заржавленный фонарь, простые газетные слова взрывались, как бомбы, звучали, как смех сатаны. Особенно старательно выговаривал Мазурин громкие титулы, не выпускал из них ни слова, – и сколько ни писать дурного об этих титулах и ничтожных носителях их, хуже того, что получалось у Мазурина, – не будет.

Как раз в это время вышел в феврале манифест, и началось газетное ликование по поводу дарованных свобод; в тюрьме, куда праздничные слова проходили сквозь железную решетку, особенно чувствовалась их наивная,